

Сергей Шкробка

ХАЛЯВА ПРИДИ

$$E=mc^2$$

$$a^2+b^2=c^2$$

I ♥
MatAn

$$E=mc^2$$

$$\int e^{-x} dx \sum_{n=1}^2 \frac{n}{n^2} = \frac{1}{n^2}$$

Изнанка Рая

Сергей Шкребка

Халява приди

«Автор»

2026

Шкребка С. А.

Халява приди / С. А. Шкребка — «Автор», 2026 — (Изнанка Рая)

Читатель представь что ты главный герой. И у тебя проблемы. Только что на твоём пляже упал студент из 1988 года с криком «Халява, приди!». За ним — девушка, которая его любит. А где-то в кустах прячется Верховный маг, который на самом деле — пропавший гений из той же общаги. И теперь ты, вооружившись говорящим котом в мантии, эльфийской женой-главой КГБ и кружкой зеленого пива, должен:— не дать влюблённым провалиться во времени,— вычислить попаданца с 40-летним стажем,— объяснить гномам высшую математику. Эта книга — твоя карта спасения. Листай быстрее: портал вот-вот откроется снова. А Халява, как известно, приходит не одна. Она приходит с проверкой по матану и вопросом: «Ты меня любишь?» Автор идеи – инженер-конструктор АО «ЗАСЛОН» Мельниченко Владимир Анатольевич

© Шкребка С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	9
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Шкробка

Халява приди

Пролог

Звонок.

Утренний свет только начинает золотить горизонт, океан лениво плещется в такт прибою, а он лежит рядом, раскинувшись на широком пляжном кресле, и даже во сне умудряется занимать больше места, чем положено. Я могу смотреть на него часами.

Отставила кружку с утренним чаем. Присела на край шезлонга, поджав под себя ноги, и смотрю на Саныча. Руки скрещены на груди. Борода взлохмачена – нужно будет напомнить, что эльфийское масло для бороды не хуже гномьего. Во сне он выглядит моложе. Губы чуть приоткрыты, и это делает его лицо совсем беззащитным.

Спать до обеда для Саныча привычка, от которой его не могут отучить даже мои неодобрительные взгляды. Всё просто: ночью он пишет. Не технические отчёты для «Заслона», а мемуары. Называет это «дневником попаданца». Усаживается за стол в бунгало, когда луна уже высоко, открывает ноутбук который притащил из Реала и каким-то чудом умудрился подключить его к магическим кристаллам. И теперь до утра строчит новые истории.

Я как-то спросила, о чём он пишет. Саныч усмехнулся в бороду и ответил: «Да всё как есть. Как сюда попал. Как мы с Кольцовым потом мирились. Как с тобой...» Тут он запнулся, посмотрел на меня странно и сказал: «В общем, мемуары. Истории из жизни в Изнанке рая».

Через Петруху отправил первые главы в Реал.

– Юмористическое фэнтези, – рассмеялся Саныч, когда пришёл ответ, а в голосе смешались гордость и разочарование. – Мои реальные приключения они назвали юмористическим фэнтези. Представляешь?

Люди в его мире не верят в магию. Даже когда им рассказывают правду, они переиначивают её в сказку. Так безопаснее. Так привычнее.

С тех пор Саныч пишет каждую ночь. Говорит, что теперь у него есть читатели. Что они смеются над его рассказами про гномов с отвалившимися бородами, про драконов, любителей сидеть на крышах и гадить на брусчатку, про фею, что не могла взлететь, потому как по её словам «слишком много ест». Смеются, не зная, что это не выдумка. Что это его жизнь. Наша жизнь.

Ему нравится, что произведения воспринимают как фантастику. Меньше вопросов. Отсутствие проверок. Можно спокойно жить в двух мирах сразу, и инженером в «Заслоне» и владельцем «Улётного Шиша» здесь в Раю. И никто не лезет с допросами: «А правда ли эльфийки такие красивые?» Хотя про них спрашивают часто. Особенно после того, как он выложил в сеть главу, где описывал наше... как он выразился? «Свадебное путешествие с элементами боевого слаживания». А издатели, оказывается, отнесли этот рассказ в категорию «Дарк-лав-фэнтези» с пометкой «21+».

Я тогда покраснела. Впервые за последние триста лет. Зато Саныч был страшно горд собой.

А сейчас он спит. Беззащитный. Настоящий. Мой.

Я протягиваю руку и поправляю прядь волос, упавшую ему на лоб. Он не просыпается, только губы чуть заметно трогает улыбка. Пусть ему снюсь я.

Отворачиваюсь, чтобы он не поймал меня на этом глупом, сентиментальном взгляде. Мы, эльфийки, не должны так смотреть на своих любимых. Особенно если они – люди. И тем более

если инженеры, которые даже во сне продолжают что-то вычислять. Я заметила: иногда его пальцы шевелятся, будто крутят невидимые гайки. Строят во сне мосты или чертят схемы. Я бы многое отдала, чтобы узнать, что именно. Но он просыпается и только усмехается: «Забыл, Айви. Это инженерная тайна».

Инженерная тайна. Три месяца назад я и представить не могла, что буду любить человека, который спит рядом, ловить себя на мысли, что его храп это самая успокаивающая музыка на свете, а привычка объяснять всё через физику и механику станет для меня чем-то родным. Я, глава службы безопасности этого мира, буду сидеть на пирсе на рассвете и бояться пошевелиться, чтобы не разбудить мужчину с пивным животиком и сединой в бороде.

Но вот сижу. И боюсь. И счастлива.

Бассейн, как всегда, нагло спит на моей куртке, подоткнув мантию под пузо. Усы торчат в разные стороны, хвост свесился с подлокотника, и он даже во сне умудряется выглядеть, будто весь мир принадлежит ему. Наглый кот. Но я его обожаю.

На моём запястье голубым светом вспыхнул кристалл связи.

Я машинально улыбнулась. Так рано звонить могла только та, с которой мы, за три месяца, стали не просто союзниками по протоколу. В нашем мире «боевыми сёстрами», а в Реале «подругами», хотя это слово кажется слишком лёгким для того, через что мы прошли.

Я тихо, чтобы не разбудить Санюча, активирую связь на минимальной яркости.

Вера Альбертовна смотрит на меня с голограммы. Раннее утро, а она выглядит, будто уже выпила три чашки кофе, провела планерку и подписала пару контрактов. Короткая стрижка, идеальный костюм и стальной взгляд. Когда она видит, что я прижимаю палец к своим губам, её губы чуть заметно трогает улыбка.

– Дрыхнет? – шепотом спрашивает она.

– Как сурок, – смеюсь в пол голоса я в ответ. – Похоже я начинаю ревновать, как он говорит: «Его по ночам посещает Муза». Поймаю, я ей все перья из крыльев повыдеру. Хотя знаю что это образное выражение.

– Передашь ему, что Кольцов завидует. У нас тут аврал, а он спит.

– Вера Альбертовна, – я смотрю на неё внимательнее. За шутками она прячет то, с чем пришла. – Вы бы не стали звонить в шесть утра, если бы речь шла о чем то будничном.

Она без радости усмехнулась. В глазах мелькнуло беспокойство, я то умею распознавать такие вещи.

– Кольцов и Петруха засекли энергетический выброс, – говорит она. – Из Политехнического института. Сектор «Реал-88».

– Направленный выброс. Точечный. Кто-то пробил портал в ваш мир.

– Кто? – спрашиваю я, понижая голос.

– Не знаем, – Вера Альбертовна не отводит взгляд. Она не любит признавать, что чего-то не знает. Это её черта. – Но портал был открыт не с нашей стороны. И не с вашей. Кто-то третий.

– Откуда?

– Это и есть главный вопрос. – Она даже через голограмму смотрит в упор. – И единственный, кто может на него ответить, сейчас находится на вашем пляже. В двух километрах от тебя. Петруха засёк вхождение три минуты назад.

Я чувствую, как от предчувствия внутри всё сжимается. Три месяца спокойствия. Время, за которое я успела забыть, что значит глава службы безопасности. Привыкла, что утро начинается с чая, и созерцания любимого.

– Ты нужна мне, Айви, – спокойно говорит Вера Альбертовна, но в голосе я слышу, не присущую ей нотку, точнее просьбу. – Этот парень... Но он наш... И он в твоём мире. В общем решить вопрос нужно по тихому.

– Кто он?

– Двадцать лет. Студент. Третий курс.

– Я схожу сама, – шепчу я. – Он спит. Не хочу его будить.

– Айви...

– Он заслужил отдых. – Я смотрю на Веру, и она понимает. Кивает. В её глазах – уважение. И что-то ещё. Зависть? Возможно. У неё с Кольцовым пока всё сложнее. Они только начали разбираться в том, что сломали за десять лет.

– Бассейн, – зову я, не повышая голоса.

Кот приоткрывает сонный наглый, золотистый, глаз.

– Если это учебная тревога, я уволюсь, – мурлычет он. – У нас, котов, тоже есть права.

– Тревога реальная, – подтверждаю я. – На пляж упал студент. Живой. Нужно найти его раньше, чем это сделают местные драконы.

– Будить будем? – спросил он лениво.

– Не сейчас. – Я поднялась, потянулась, чувствуя, как хрустят позвонки после ночи в кресле. – Пусть доспит. Ему сегодня... – я посмотрела на кристалл связи, который всё ещё слабо светился на столике, – многое предстоит. Спи, инженер, – прошептала я. – Скоро тебе будет не до мемуаров.

– И нам, – добавил кот.

Он посмотрел на горизонт, где над океаном разгоралась заря, и в его глазах была – тревога? Знание? Или просто утро, слишком раннее даже для кота, который привык спать до обеда?

– Оставайся с ним, – Проурчал Бассейн, садясь и поправляя мантию. – Я в разведку и на поиски этого юнца. Нарушившего наш покой.

– Никакой самостоятельности. Найдёшь сразу ко мне. Не пугай, не допрашивай, не требуй документов. Просто приведи.

– А если он не захочет идти? – кот щурится.

– Убедишь.

Бассейн глянул на меня долгим взглядом. Потом на Саныча, который всё ещё спал, сжимая кулаки на груди.

– Студент, – фыркает Бассейн, направляясь к выходу с пирса. – Они даже падать не умеют культурно. Наверняка врезался в мою любимую пальму.

– Бассейн, – останавливаю я его.

Он оборачивается.

– Но понял, приведу.

И быстро, бесшумно, исчезает в утреннем тумане.

Я остаюсь на пирсе рядом со спящим Санычем. В руке остывший чай. На горизонте солнце, которое только начинает подниматься над океаном.

Где-то там, на пляже, лежит парень, который упал с неба. Он пробил портал из мира, где нет магии, в мир, где магия – это воздух.

Но я не боюсь. Потому что рядом спит человек, научивший меня, что даже в самой безнадёжной ситуации есть решение. Нужно просто перестать паниковать и начать думать. Как инженер.

Смотрю на его спокойное лицо и улыбаюсь.

– Спи, Саныч, – шепчу я. – Я пока сама разберусь.

Но думаю: что за парень упал с неба? Зачем он здесь? И почему Вера Альбертовна, которая никогда ни о чём не просит, позвонила мне, а не отправила команду перехвата из реала?

Ответов нет. Но скоро они появятся.

Бассейн принесёт их на хвосте.

Подошла к краю пирса, вдохнула солёный воздух и подумала о том, что три месяца покоя, возможно, были слишком хороши, чтобы длиться вечно.

Когда Саныч проснется, узнает новости, то первым делом спросит не «что случилось», а «кому нужна помощь».

За это я его полюбила. И таким он останется, что бы ни ждало нас впереди.

Глава 1.

Халява приходит не одна.

Пашка лежал на спине и смотрел в небо уже минут пять, а может, и все десять. Время как-то странно текло и он никак не мог поймать ритм.

Огромное, чужое, слишком правильное небо. Ни одного самолётного следа, звёзды расставлены аккуратно, будто их кто-то смонтировал по клеточкам. Или по формулам.

Голова была тяжёлой словно внутри черепа кто-то уложил кирпич и теперь ждал, когда он проснётся окончательно, чтобы спросить: «Ну что, удобно?»

Он помнил, как ложился. Скрипучий пол в комнате, матрас-черепашка, запах носков соседа Кольки и тоска перед экзаменом, от которой хотелось выть. Подошёл к окну, крикнул.

А потом, раз и вот он уже здесь. Не пойми где. Под чужим небом.

Пашка медленно приподнял голову и осмотрелся.

Настоящий пляж, с белым песком и пальмами, морем справа, которое лениво накатывало на берег. Вдалеке виднелся пирс и какие-то постройки, дачи или домики. Всё выглядело, будто сошло с открытки «Крым. Мисхор», только вот Мисхор здесь был явно ни при чём.

Пашка знал, в Крыму, звёзды не такие как здесь.

– Это не Крым, – сказал Пашка вслух.

Присел. С джинсов и кофты, с которой он несмотря на выцветшую надпись «Я люблю МатАн», не расставался уже года два, посыпался песок. МатАн он не то чтобы ненавидел, просто был уверен, что в жизни пригодится совсем другое. Умение считать деньги, например. Или находить общий язык с нужными людьми. А интегралы... ну, интегралы пусть учат те, кому в аспирантуру.

Пашка потёр лицо руками, пытаясь собрать мысли в кучу. Воспоминания о вчерашнем дне навалились хаотично, как куски разорванной фотографии.

С утра он собирался готовиться к экзамену. Но день выдался тёплым, солнечным, и вместо учебников он купил три бутылки пива и сел в парке у института. Потом вспомнил, что в кинотеатре на окраине идёт японский фильм, «Легенда о динозавре», или что-то вроде того. Какая разница какое название всё равно: в кинотеатре прохладно и темно, он продрых почти весь сеанс на третьем ряду под рёв доисторических ящеров, крушивших Токио.

Вечером дискотека в студенческом клубе. Он приставал к девчонкам с филфака, шутил, танцевал, пил портвейн, который купил на углу у фарцовщиков по знакомству, и в итоге никого из девчат не «снял». Ну и чёрт с ними. Денег на них всё равно жалко.

Весь день он гулял на свои, а наличка у него водилась. Курсовые для второкурсников писал за трёху, за подготовку к вступительным с абитуриентов брал по червонцу. Но сегодня он тратил стипендию, сорок рублей, которые накануне выдала казначей группы Светлана Казакова.

Пашка поморщился. Он был в неё влюблён. Тайно, как умеют только студенты: вздыхал на лекциях, писал дурацкие стихи в тетрадку, которые потом вырывал и выкидывал. Но виду, конечно, не подавал. С какой стати? Отличница, комсорг, вся в делах, в правильной, светлой жизни. А он... он Пашка раздолбай в фудболке «Я люблю МатАн» которую носит как шутку, хотя никто не смеётся. Курсовые пишет на заказ, а сам на пары ходит раз через раз.

Она выдала ему стипендию вчера в коридоре. Строго, официально, даже не улыбнулась. «Распишись, Землянов». Он расписался, забрал деньги и весь вечер думал, надо было сказать что-то умное, смешное, чтобы она на него посмотрела иначе. Но ничего не сказал. Как всегда.

А теперь он лежал на чужом пляже под фиолетовым небом и думал, что, наверное, это какая-то дурацкая кара. За гордость.

Профессор Золотов, мужик ещё не старый, крепкий, наверное, мог бы и штангу поднимать, если б не профессорское звание. А ещё дурацкие очки, с сильными линзами, которые делали его глаза огромными и немного пугающими. Как у насекомого. Смотрит и кажется, что видит тебя насквозь, все твои прогулы и дурацкие шутки.

В начале семестра Пашка пришёл на первую лекцию. Золотов вещал про фундаментальность знаний и строгий отбор. Пашка тогда был в настроении доказывать, что он умнее всех. Профессор спросил про пределы. Пашка ответил. С вызовом и усмешкой.

Профессор посмотрел на него поверх очков.

– Молодой человек, вы, кажется, считаете себя умнее всех. Выйдите вон. Когда поймёте, что в моей аудитории не место хамству, тогда и вернётесь.

Пашка вышел. И не вернулся. Подойти и извиниться, да перед кем угодно, только не перед этим важным профессором в очках, который смотрел на студентов как на пустое место.

Так и тянулось. Пашка ходил на пары к другим преподавателям, сдавал всё что необходимо, решал задачи, но к Золотову ни ногой. А теперь, экзамен. Профессор, который его не забыл. И если верить старшекурсникам, очень злопамятен.

А ещё недавний разговор в коридоре. Золотов поймал его буквально за руку, как нашкодившего школьника.

– Молодой человек, я ни разу не видел вас на своих занятиях. Предположу, что экзамен вам сдать будет проблематично.

Мат анализ Пашка знал и мог сдать на отлично. Но сдавать экзамен предстояло человеку, который выгнал его с первой лекции и полгода не видел на занятиях... это был не вопрос знаний. Это был вопрос принципа.

А принцип у Золотова, был один: не ходил на пары, значит приходи на пересдачу, а я завалю Три пересдачи и отчисление.

Мысленно уже простился с институтом.

Вечном в комнате лежал, смотрел в потолок и думал: может, ну его? На всё плюнуть и уйти? Бабушка в частном секторе всегда говорила: «Пашенька, приходи, я тебя прокормлю». У неё дом, участок, в огороде всё своё. Можно устроиться грузчиком, или в кооператив какой. Сейчас, при перестройке, кооперативы растут как грибы. Не пропадёт. А то и своё дело откроет.

Валялся и вспоминал лицо Светы. Не то чтобы он хотел перед ней выслужиться. Просто представил, она узнает: Землянова отчислили... Перед ней было особенно стыдно.

Встал, подошёл к окну, распахнул. В лицо ударил свежий воздух летнего вечера. Где-то вдалеке играла музыка. Из магнитофона разносились звуки «Алисы» и «Наутилуса». Кинчев, Бутусов, их песни Пашка знал наизусть, как и тысячи других студентов по всей стране. Пластинок было не достать, но кассеты ходили по рукам, и в общаге своя коллекция имелаась.

Он оторвался от подоконника, откинул голову назад и посмотрел вверх.

Небо чистое, тёмно-синее, такое бывает вдали от города, когда нет засветки от фонарей и промышленных труб. Пашка любил смотреть на звёзды. С детства, отец брал его в лес за грибами, показывал ковш Большой Медведицы, Полярную звезду, Кассиопею. Потом уже сам разобрался, где Вега, где Денеб, где Альтаир. Летний треугольник находил всегда, даже из окна общаги, хотя в городе, видно было далеко не всё.

Над общежитием, звёзды просиатривались отчётливо. Вот Большая Медведица, ковш как на ладони. Кассиопея, похожая на букву W. А вон там, низко над горизонтом, Лев. Пашка плохо умел находить Льва, но сейчас увидел сразу.

В момент, когда смотрел на Регул, самую яркую звезду в созвездии, по небу, с запада на восток, неторопливо проплыл спутник. Маленькая светящаяся точка, ровная, без мерцания. Пашка проводил её взглядом, пока она не скрылась за крышей соседней пятиэтажки.

И тогда, сам не зная зачем, наверное от отчаяния и злости. От внезапной, острой тоски Пашка набрал в лёгкие побольше воздуха, высунулся из окна и что есть мочи крикнул в темноту:

– Халява, приди!!!

Была у них в институте такая примета. Некоторым помогала. Он ждал, что ничего не случится. Разве что, соседи постучат по батарее. Или Колька скажет завтра: «Ты чего орал, псих?»

Но Халява пришла.

Не яркий свет, Пашка подумал тогда: «Пипец. Это insult. Или белая горячка. Или то и другое сразу».

И вот он здесь. На пляже.

– Я сплю, – сказал Пашка вслух, чтобы убедиться, что голос работает. – Это всё пиво. И недосып. Да, точно. Сейчас проснусь.

Он закрыл глаза, подождал пять секунд, и снова открыл.

Ничего не изменилось. Только океан чуть громче пригнал новую волну.

– Не разбился?

Низкий, ворчливый голос исходил снизу. Пашка опустил взгляд.

Прямо перед ним, на песке, сидел огромный рыжий кот в тёмно-синей мантии, с капюшоном, откинутым назад, и с какими-то серебряными застёжками. Пушистый хвост он обернул вокруг лап. Пушистик сидел, сложив передние лапы, и смотрел на Пашку с выражением, которое трудно было назвать иначе, чем «инспекторское».

– Ты, – сказал кот, – сейчас встанешь, отряхнёшься и расскажешь, зачем ты нас потревожил.

Пашка моргнул.

Перевёл взгляд с кота на небо, с неба на океан, с океана снова на кота. Проморгался. Для верности протёр глаза кулаками, сильно, до звёздочек. Снова взглянул на кота.

Тот не исчез. Более того, начал проявлять нетерпение, заметно дёрнулся кончик хвоста.

– Я сплю, – повторил Пашка, на этот раз с меньшей уверенностью. – Это похмелье. И недосып. И, возможно, последствия «Халявы».

– Не спишь, – отрезал кот. – И «Халява» тут ни при чём.

Пашка рывком сел, волосы упали на глаза, отбросил их привычным жестом и уставился на кота в упор.

– Ты кто? – спросил он.

Голос дрожал, было стыдно, но Пашка не мог с этим ничего поделать. Внутри всё тряслось от страха, непонимания и детской надежды, что сейчас он проснётся и это окажется дурацким сном.

Глаза же рассматривали и оценивали всё вокруг. Помимо страха просыпалось и любопытство.

Кот заметил, усы чуть шевельнулись.

– Мне нравится, – сказал кот. – Студент, который в такой ситуации не впадает в истерику, а задаёт вопросы, может выжить.

Пашка сглотнул.

– Ты так спокойно говоришь? – уточнил он. – Это нормально?

– Здесь вообще много чего не нормально, – усмехнулся кот. – Гномы варят пиво, от которого после второй кружки начинаешь понимать язык драконов. Эльфы катаются на лонгбордах. А коты носят мантии. И разговаривают, да.

– Я так понимаю, ты – местная достопримечательность.

Кот обиделся. Это было заметно сразу: уши дёрнулись, хвост замер.

– Я не достопримечательность. Я старший менеджер по работе с попаданцами. И у меня есть вопросы.

Кот сунул лапу в складки мантии и извлёк... Светящийся планшет с голографическим экраном, на котором уже открыто какое-то окно с данными. Пашка даже разглядел знакомые буквы кириллицы.

Тонкий, как пластинка слюды планшет светился изнутри ровным голубоватым светом. Над поверхностью в воздухе висели объёмные и чуть мерцающие текст и цифры. Когда кот поворачивал устройство, изображение не смещалось, а оставалось на месте, будто привязанное к невидимым нитям.

– Это... – Пашка протянул руку и тут же отдёргнул, боясь коснуться. – Это голограмма?

– Называй как хочешь, – кот пожал плечами, от чего мантия колыхнулась. – Работает – и ладно.

– Голограмма! – повторил Пашка, в голосе прорезалось что-то, похожее на восторг. – У Ефремова. В «Туманности Андромеды» такие были. Ну, или у Лема в «Магеллановом облаке». Там, по-моему, на кристаллах, а у вас...

Кот смотрел на него с новым выражением, в золотистых глазах светилось нечто вроде одобрения.

– Ефремов, значит, – протянул кот. – Лем. Фантастику читаешь?

– Люблю, – признался Пашка, не отрывая взгляда от планшета. – Ещё Стругацких. «Понедельник начинается в субботу» это вообще супер. – Замолчал, потом добавил тише. – Там тоже магия и научный подход. Институт. НИИЧАВО.

– НИИЧАВО, – кот усмехнулся. – Наш мир чем-то похож. Только у нас всё всерьёз. И коты, – он многозначительно поднял лапу, – носят мантии.

Пашка смотрел на планшет, на голографические строки, которые висели в воздухе, и думал о том, что в детстве он зачитывался рассказами о далёких мирах, о технологиях будущего, о говорящих животных и параллельных вселенных. А теперь сидел на пляже, напротив кота с планшетом, и мир будущего, или какой-то другой развернулся перед ним во всей своей невероятной реальности.

– Так Павел Землянов, – прочитал кот с экрана. – Двадцать лет. Третий курс, факультет прикладной математики. Средний балл – четыре целых две десятых. Зачётка, – он поднял глаза на парня, – вся в пятнах. Кофе, пиво и, кажется, слёзы.

Пашка не ответил. Он всё ещё смотрел на планшет, пытаясь понять принцип работы, и в голове уже крутились какие-то полужабытые формулы, прочитанные в статьях про голографию в «Науке и жизни».

– Это точно не сон, – сказал он наконец.

– Наконец-то, – кот убрал планшет обратно в мантию. – А теперь вставай. Тебя ждут.

– Кто?

– Хозяин. И его... – он замялся – Вот познакомишься с ней, они объяснят больше, чем я. Я всего лишь старший менеджер.

Кот поднялся и направился в сторону пирса. Прошёл несколько шагов, обернулся.

– Идёшь?

Пашка остался сидеть на песке, переваривая информацию. Говорящий кот в мантии. Голографический планшет. Океан, которого здесь быть не может.

«Точно как у Ефремова», – подумал он. В «Туманности Андромеды» люди летали к звёздам, встречали другие цивилизации, и всё это было описано подробно, убедительно. Пашка в пятнадцать лет верил: будущее наступит скоро. И вот оно наступило. Только почему-то вместо звездолёта кот с планшетом, а вместо далёкой планеты пляж с фиолетовым небом.

– Эй, – окликнул кот. – Ты там, в обморок не собираешься? Потому что если да, я не понесу. У меня спина больная.

– Не собираюсь, – выдавил Пашка, поднимаясь.

Ноги ватные, голова не сильно, но кружилась. Кофта с дурацкой надписью мокрая от пота и вся в песке, джинсы тоже.

– И долго идти? – спросил он.

– Минут десять, – ответил кот, не оборачиваясь. – Если не будешь останавливаться и пялиться по сторонам.

– А если буду?

– Тогда пятнадцать. Но у меня график.

Пашка двинулся следом. Океан шумел справа, песок хрустел под подошвами, и вдалеке кричала птица или ещё какой экзотический зверь, с голосом, похожим на свист.

– Слушай, – сказал Пашка через минуту молчания. – А как тебя зовут?

– Бассейн.

– Что?

– Бассейн. Это имя. Не спрашивай, почему. Не я выбирал.

– А... понятно. Хозяйка... она кто?

– Увидишь.

– А этот мир... он вообще как называется?

Кот остановился. Повернул голову, в золотистых, с вертикальными зрачками глазах мелькнуло что-то, похожее на снисходительность.

– Слушай, Землянов, – сказал он. – Я ценю твоё любопытство. Правда. На фоне тех, кто начинает орать или падать в обморок, ты выглядишь очень даже. Но давай так: все потом. Сначала я сдаю тебя на руки, вы разговариваете, ты задаёшь вопросы. Договорились?

Пашка кивнул.

– Договорились.

– Отлично. Тогда прибавь шагу. – Кот снова отвернулся и пошёл быстрее, – перестань смотреть на небо. Успеешь насмотреться. Оно тут никуда не денется.

Шли по пляжу. Пашка смотрел под ноги, чтобы не споткнуться, но краем глаза всё равно ловил чужое небо, океан и вообще мир, в который он попал, потому что крикнул в окно два дурацких слова.

«Халява, приди».

Глава 2

Допрос

Когда Бассейн скрылся в утреннем тумане, я не стала возвращаться к Санычу. Он спал. По-настоящему, глубоким сном, который случается после бессонной ночи и чувства выполненного долга. Будить его ради того, что мы пока даже не понимаем до конца, было бы жестоко.

Я отошла на край пирса, где старые доски поросли мхом, а вода плещется особенно громко, заглушая голоса. Присела на корточки, достала из кармана маленький прозрачный кристалл-наушник, вложила в ухо. Подарок Петрухи после той истории с ключом, «чтобы ты, Айви, в следующий раз не орала на весь портал». Активировала основной кристалл на полную мощность и набрала Веру. Она ответила сразу, будто ждала.

– Нашли? – без приветствия.

– Бассейн пошел встречать. Сказала вести сюда. Что с парнем?

Вера оглянулась через плечо. Я увидела край стола, чашки с недопитым кофе, и рядом Кольцова. Он сидел, обхватив голову руками, и смотрел в одну точку. Не в экран, не в документы, а куда-то внутрь себя. Вера отодвинулась, освобождая место, и я увидела его лицо. Серое, с резкими тенями под глазами. Кольцов выглядел, будто постарел на десять лет за одну ночь.

– Рассказывай, – сказала я. – Всё.

Вера не из тех, кто мнется, но сейчас подбирала слова дольше обычного.

– Парня зовут Павел Землянов, – начала она. – Двадцать лет. Третий курс. Факультет прикладной математики. Того самого института, где сейчас лаборатория «Синтеза».

– Я знаю, ты говорила.

– Я не договорила. – Вера замолчала. Паузе была столь долгая, что я невольно напряглась.

– Он пропал. В 1988 году.

– Что значит «пропал»?

– Пропал, – повторила Вера жестче. – Исчез из комнаты в общежитии. Сосед видел, как он подошел к окну, крикнул что-то в темноту... и всё. Сосед думал, что вышел покурить. Утром не появился, на кровати не спали, вещи на месте, окно открыто. Больше его никто не видел.

Я перевела взгляд на Кольцова. Он так и не поднял головы.

– Сосед... – медленно сказала я. – Это вы, Николай Павлович?

Кольцов дёрнулся. Поднял на меня красные, воспалённые глаза, со странным, полубезумным блеском.

– Я думал, он погиб, – голос у него был чужой. – Мы все думали. Милиция искала месяц, потом закрыли дело. Несчастный случай, пьяный студент, упал в реку. Течение. Я... я поверил. Я не мог не поверить.

– Но он не упал в реку, – сказала я.

– Нет. – Кольцов провёл ладонью по лицу, и рука дрогнула. – Он здесь. Тридцать семь лет спустя.

– Тридцать семь лет, – повторила я.

Цифра не укладывалась в голове. Для него прошло несколько часов. Может, даже меньше. А в Реале...

– Это не всё, – Вера говорила ровно, но я видела, как побелели костяшки ее пальцев на столешнице. – В том институте пропал не только Землянов. Мы подняли архивы. Ещё один за год до него тоже студент. Тоже исчез из общаги при похожих обстоятельствах.

– Его тоже не нашли?

– Нет, – ответила Вера. – И других порталных всплесков мы не засекали. Мы не знаем, где он. И не понимаем, как они связаны. Всплески из прошлого обнаружить не удастся. Если что то будет ясно я сообщу.

Голова шла кругом. Два пропавших студента. Тридцать семь лет. Портал, открылся сам, без магии и без технологий. Парень лежит на пляже и понятия не имеет, что его помнят более трёх десятилетий.

– Айви, – голос Веры стал тише, – я не хочу, чтобы Саныч пока это знал. Да и Землянову всего знать не нужно. Коля говорит что он головастый.

– Почему?

– Потому что они начнут копать. – Вера усмехнулась, но без веселья. – Ты же знаешь Саныча. И этот умник. Увидят загадку и всё, не остановишь. А мы пока сами ничего не понимаем. Двое студентов, портал без источника... Это загадка.

– Ты хочешь, чтобы я скрыла от них полную правду? – спросила я.

– Я хочу, чтобы они не догадались, – ответила Вера. – Хотя бы сегодня. Пусть Саныч думает, что это обычный попаданец, которого надо обучить и отправить обратно. А мы попробуем разобраться сами.

– А если не получится скрыть?

Вера посмотрела на меня долгим взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.